СТИМУЛИРУЮЩАЯ ФОРМАЛИЗАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОКРАЩЕНИЯ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Есемуратова Зарафшан Ниетбаевна
Ташкентский государственный экономический университет
esemuratovazarfsan7@gmail.com
https://orcid.org/0009-0005-4900-0743

Аннотация. Неформальная занятость остаётся одним из ключевых факторов, поддерживающих высокий уровень теневой экономики и ограничивающих устойчивое социально-экономическое развитие Узбекистана. Большинство существующих подходов к её сокращению основаны преимущественно на усилении административного контроля и налогового регулирования, однако их эффективность ограничена недостаточной мотивацией участников рынка труда к добровольной легализации. Целью данного исследования является разработка нового подхода к формализации занятости, основанного на согласовании экономических интересов работников, работодателей и государства. В статье предлагается авторская концепция сокращения теневой экономики через согласование стимулов всех участников рынка труда, при котором формальная занятость становится наиболее рациональным и экономически выгодным выбором для работников и работодателей. Реализация предложенной модели может способствовать ускорению добровольной формализации рынка труда, сокращению масштабов теневой экономики и укреплению устойчивого экономического роста Узбекистана.

ВВЕДЕНИЕ

Теневая экономика и связанная с ней неформальная занятость остаются одними из наиболее серьёзных вызовов для устойчивого социально-экономического развития многих развивающихся стран. Значительная доля трудовой деятельности, осуществляемой вне официального сектора, приводит к сокращению налоговых поступлений, снижает эффективность системы социальной защиты населения, ограничивает возможности государственного регулирования рынка труда и препятствует формированию прозрачной и конкурентоспособной экономики. В этих условиях сокращение масштабов неформальной занятости становится важным направлением государственной экономической политики. Для Республики Узбекистан данная проблема сохраняет особую актуальность в условиях активной модернизации экономики и реализации институциональных реформ. Согласно данным Национального комитета по статистике Республики Узбекистан, в 2024 году объём ненаблюдаемой экономики составил 34,8% валового внутреннего продукта, из которых 26,4% пришлось на неформальную экономику и 8,4% — на теневую экономику. При этом объём валовой добавленной стоимости, созданной в ненаблюдаемом секторе, достиг 505,65 трлн сумов. Эти

показатели свидетельствуют о том, что значительная часть экономической активности продолжает осуществляться вне формальных институтов, оказывая существенное влияние на структуру рынка труда и темпы экономического роста страны. В последние годы государством реализуется широкий комплекс мер, направленных на снижение масштабов теневой экономики и стимулирование официальной занятости. Проводятся реформы в области налогового администрирования, цифровизации государственных услуг, развития института самозанятости и упрощения процедур ведения предпринимательской деятельности. Вместе с тем результаты исследований показывают, что причины сохранения неформальной занятости связаны не только с институциональными или административными факторами, но и с особенностями экономической мотивации участников рынка труда.

Так, по данным совместного исследования Центрального банка Республики Узбекистан, Центра экономических исследований и реформ (CERR) и Программы развития ООН, около 52% опрошенных работников отметили отсутствие предложений официального трудоустройства со стороны работодателей, тогда как почти 47% респондентов объяснили выбор неформальной занятости возможностью получения более высокого дохода вследствие отсутствия обязательных налоговых и социальных отчислений. Это позволяет предположить, что решение проблемы требует не только совершенствования механизмов государственного контроля, но и формирования системы стимулов, делающей официальную занятость более привлекательной для всех участников рынка труда. Современная научная литература подробно рассматривает влияние институциональных, экономических, социальных и поведенческих факторов на масштабы теневой экономики. Исследования последних лет акцентируют внимание на роли качества государственного управления, налоговой политики, цифровизации, уровня безработицы, человеческого капитала и общественного доверия. Однако большинство существующих работ сосредоточено либо на выявлении причин распространения неформальной деятельности, либо на анализе отдельных инструментов её регулирования.

Вопрос формирования комплексной системы взаимных стимулов, одновременно мотивирующей работников и работодателей к добровольному переходу в формальный сектор экономики, остаётся недостаточно изученным, особенно применительно к современным институциональным условиям Узбекистана. В этой связи целью настоящего исследования является разработка нового подхода к формализации неформальной занятости, основанного на согласовании экономических интересов работников, работодателей и государства. В статье выдвигается предположение, что устойчивое сокращение масштабов теневой экономики возможно при создании такой институциональной среды, в которой официальная занятость становится наиболее рациональным и экономически выгодным выбором для всех участников рынка труда. Научная новизна исследования заключается в разработке авторской модели согласованных стимулов формализации (Aligned Incentive Formalization Framework, AIFF), объединяющей экономические,

социальные, цифровые и репутационные механизмы поддержки добровольной легализации занятости. Предлагаемый подход рассматривает формализацию не только как инструмент государственного регулирования, но и как процесс формирования системы взаимных выгод, способствующей дальнейшему сокращению теневой экономики и обеспечению устойчивого экономического развития Республики Узбекистан.

МЕТОДОЛОГИЯ

Исследование основано на комплексном методологическом подходе, объединяющем положения институциональной экономики, поведенческой экономики и современной концепции формализации рынка труда. Использование данного подхода обусловлено тем, что неформальная занятость представляет собой многофакторное явление, формирующееся под влиянием институциональных ограничений, экономических стимулов и индивидуального выбора участников рынка труда. С точки зрения институциональной теории, масштабы теневой экономики зависят от качества государственных институтов, эффективности механизмов регулирования, уровня административных издержек и прозрачности экономической среды. Недостаточная эффективность формальных институтов приводит к тому, что часть экономической активности переносится в неформальный сектор, где снижаются транзакционные издержки и уменьшается регуляторная нагрузка. Вместе с тем поведенческий подход исходит из того, что работники и работодатели принимают решение о выборе формальной или неформальной модели занятости, сопоставляя ожидаемые выгоды и потенциальные затраты. В этой связи участие в неформальной экономике следует рассматривать не только как нарушение установленных правил, но и как рациональную реакцию экономических агентов на существующую систему стимулов.

Такой подход существенно отличается от традиционных исследований, в которых основное внимание уделяется усилению административного контроля, налогового администрирования или ужесточению санкций. Настоящее исследование исходит из гипотезы о том, что устойчивое сокращение масштабов теневой экономики возможно лишь при создании системы согласованных экономических стимулов, делающих официальную занятость более выгодной как для работников, так и для работодателей. Методологическая логика исследования основывается на последовательном объединении трёх элементов: анализа современной научной литературы, изучения официальной статистики Республики Узбекистан и исследования поведенческих факторов, определяющих выбор формы занятости. Интеграция этих элементов позволила не только выявить ключевые причины сохранения высокой доли неформальной экономики, но и сформировать концептуальную основу для разработки авторской модели Aligned Incentive Formalization Framework (AIFF), основанной на согласовании экономических интересов государства, работодателей и работников. Таким образом, в рамках настоящего исследования неформальная занятость рассматривается не как изолированная проблема рынка труда, а как результат взаимодействия институциональных условий и поведенческих механизмов принятия

экономических решений, что требует применения комплексного междисциплинарного подхода к её анализу и регулированию.

Эмпирическую основу исследования составили официальные статистические данные Национального комитета по статистике Республики Узбекистан, аналитические материалы Центрального банка Республики Узбекистан, Центра экономических исследований и реформ (CERR), Программы развития ООН (ПРООН), а также действующие нормативно-правовые акты и результаты современных международных исследований, посвящённых проблемам теневой экономики и неформальной занятости. В первоначальном этапе исследования были оценены масштабы ненаблюдаемой экономики в стране.

Рисунок 1. Структура ненаблюдаемой экономики Республики Узбекистан в 2024 году.

Источник: Национальный комитет по статистике Республики Узбекистан, 2024–2025.

Рисунок 2. Доля ненаблюдаемой, неформальной и теневой экономики в ВВП Республики Узбекистан, %.

Источник: Национальный комитет по статистике Республики Узбекистан, 2024–2025.

Согласно официальным оценкам Национального комитета по статистике, в 2024 году объём ненаблюдаемой экономики составил 505,65 трлн сумов, из которых 383,64 трлн сумов приходится на неформальную экономику, а 122,01 трлн сумов — на теневую экономику. Доля ненаблюдаемой экономики в структуре валового внутреннего продукта

достигла 34,8%, включая 26,4% неформальной экономики **и** 8,4% теневой экономики. Эти показатели свидетельствуют о том, что именно неформальная экономическая деятельность является доминирующим компонентом ненаблюдаемого сектора и требует первоочередного внимания со стороны государственной политики. На основе синтеза теоретических подходов и эмпирических наблюдений разработана авторская концептуальная модель Aligned Incentive Formalization Framework (AIFF). Модель представляет собой систему согласованных стимулов, направленных на формализацию занятости через баланс интересов государства, работодателей и работников. В отличие от традиционных подходов, ориентированных преимущественно на контроль и санкции, AIFF рассматривает формализацию как результат экономически рационального выбора участников рынка труда.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Проблема теневой экономики и неформальной занятости остаётся одним из ключевых вызовов для устойчивого социально-экономического развития как развитых, так и развивающихся стран. Современные исследования показывают, что масштабы теневой экономики во многом определяются качеством государственных институтов и эффективностью механизмов регулирования [1]. Одновременно высокий уровень административных и транзакционных издержек создаёт стимулы для переноса части экономической активности в неформальный сектор [2]. Для стран с переходной экономикой существенное значение также имеют особенности институциональной среды и государственного надзора [3]. При этом всё больше исследований указывает на то, что даже последовательные институциональные реформы не способны обеспечить устойчивое сокращение теневой экономики без изменения системы экономических стимулов участников рынка [4].

В последние годы в научной литературе усиливается внимание к взаимосвязи между теневой экономикой и состоянием рынка труда. Исследования показывают, что неформальная занятость является не просто следствием экономических дисбалансов, но и самостоятельным фактором, ограничивающим рост производительности труда, развитие человеческого капитала и устойчивость систем социальной защиты [5].

Высокая распространённость неформальных трудовых отношений снижает объём налоговых поступлений и социальных отчислений, одновременно увеличивая уязвимость работников и ограничивая доступ населения к механизмам социальной поддержки [6]. Вместе с тем современные работы отмечают, что участие в неформальном секторе зачастую представляет собой рациональный экономический выбор, основанный на сравнении ожидаемых выгод и затрат, связанных с официальным трудоустройством [7]. Отдельное направление исследований посвящено изучению роли цифровизации и совершенствования налогового администрирования в сокращении масштабов теневой экономики. Ряд работ подтверждает, что внедрение цифровых платформ, онлайн-касс, электронных платежей и автоматизированных систем налогового контроля способствует

повышению прозрачности экономической деятельности и снижению возможностей для уклонения от соблюдения формальных требований [8]. Однако современные исследования также показывают, что технологические решения обладают ограниченной эффективностью, если они не сопровождаются изменением поведенческих стимулов экономических агентов [9]. Даже при наличии развитой цифровой инфраструктуры работодатели и работники могут сохранять заинтересованность в неформальной деятельности, если формальная занятость не обеспечивает для них достаточных экономических преимуществ [10].

Заметное развитие в современной научной литературе получил и поведенческий подход к исследованию теневой экономики. В отличие от традиционных концепций, рассматривающих неформальный сектор преимущественно как следствие недостаточного контроля, данный подход исходит из того, что выбор между формальной и неформальной занятостью осуществляется экономическими агентами на основе рационального сопоставления выгод и издержек [7]. Работники оценивают уровень доходов, гибкость условий труда и доступность социальных гарантий, тогда как работодатели принимают решения с учётом налоговой нагрузки, административных процедур и затрат на соблюдение требований законодательства [2], [7].

Следовательно, масштабы неформальной экономики зависят не только от жёсткости государственного регулирования, но и от того, насколько существующая институциональная среда делает официальную экономическую деятельность более привлекательной альтернативой. Несмотря на существенный прогресс в исследовании институциональных факторов, цифровизации государственного управления и социально-экономических последствий неформальной занятости, анализ современной литературы позволяет выявить ряд ограничений. Большинство существующих исследований концентрируется либо на совершенствовании механизмов государственного контроля и налогового администрирования [3], [8], либо на анализе отдельных причин и последствий неформальной занятости [5], [6]. Вопросы формирования системы позитивных экономических стимулов, способной одновременно мотивировать работников и работодателей к добровольной легализации трудовых отношений, остаются значительно менее изученными [9], [10].

Кроме того, существующие работы, как правило, рассматривают государство в качестве основного субъекта сокращения теневой экономики, уделяя недостаточное внимание необходимости согласования интересов всех участников рынка труда. Для Республики Узбекистан данная проблема приобретает особую актуальность в условиях активной цифровизации экономики и реализации масштабных институциональных реформ. Последовательное развитие электронных государственных сервисов, модернизация налогового администрирования и внедрение цифровых инструментов контроля создают благоприятные предпосылки для сокращения масштабов теневой экономики. Однако сохранение высокой доли

неформальной занятости свидетельствует о том, что административные и технологические меры сами по себе не способны обеспечить устойчивую формализацию рынка труда. Это указывает на необходимость поиска новых подходов, ориентированных не только на усиление контроля, но и на формирование системы взаимовыгодных экономических стимулов. Таким образом, проведённый анализ литературы показывает, что современные исследования достаточно подробно раскрывают институциональные причины теневой экономики, роль цифровизации и значение государственного регулирования, а также исследуют социально-экономические последствия неформальной занятости. Вместе с тем проблема добровольной формализации занятости через согласование экономических интересов государства, работодателей и работников остаётся недостаточно разработанной. Именно данный исследовательский пробел определяет научную новизну настоящей работы и обусловливает разработку авторской модели “Aligned Incentive Formalization Framework (AIFF)”, рассматривающей сокращение масштабов теневой экономики как результат формирования системы согласованных стимулов для всех участников рынка труда.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Однако агрегированные показатели не позволяют определить внутреннюю структуру проблемы. Поэтому был сделан анализ отраслевого распределения ненаблюдаемой экономики. Согласно данным Национального комитета по статистике, наибольшая концентрация неформальной экономической активности наблюдается в сферах торговли, гостинично-ресторанного бизнеса, и отдельных сегментах сельского хозяйства, тогда как в более институционализированных отраслях её доля существенно ниже.

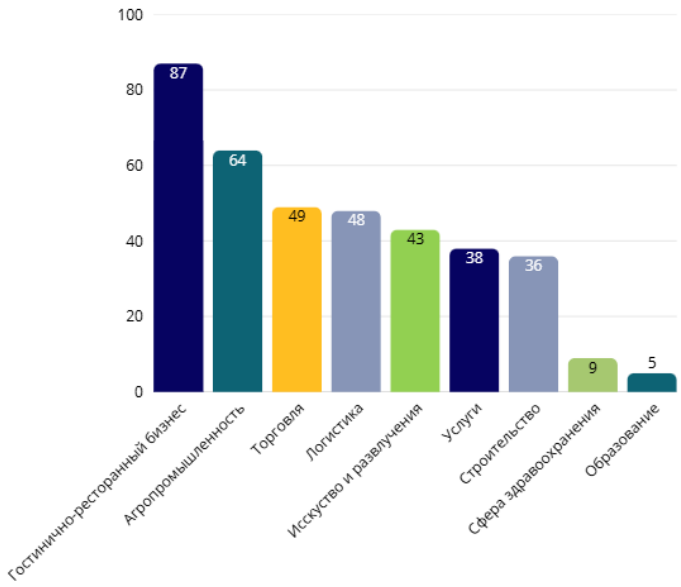


Рисунок 3. Отраслевая структура ненаблюдаемой экономики Республики Узбекистан.

Источник: Национальный комитет по статистике Республики Узбекистан.

Анализ отраслевой структуры позволило сделать несколько важных выводов. Во-первых, наиболее высокий уровень ненаблюдаемой экономической активности характерен для отраслей, где преобладают малые предприятия и микробизнес, широко используются наличные расчёты и сезонная занятость, а контроль за соблюдением трудового законодательства затруднён. Во-вторых, именно в этих секторах формируются устойчивые механизмы неформальной занятости, основанные на выплате заработной платы без официального оформления трудовых отношений. Напротив, в промышленности, финансовом секторе и крупных корпоративных структурах уровень неформальной деятельности значительно ниже благодаря более высокой степени цифровизации, прозрачности операций и институционального контроля.

В исследовании таже уделяется особое внимание оценке уже реализуемых государством мер по повышению прозрачности экономики. В последние годы одним из ключевых инструментов цифровизации налогового администрирования стало расширение системы электронных и фискальных чеков, направленной на сокращение объёма наличных расчётов, повышение прозрачности потребительских операций и усиление контроля за хозяйственной деятельностью субъектов предпринимательства. Согласно результатам обследования, подавляющее большинство предприятий уже адаптировалось к новым требованиям: 97% организаций оснащены официальными кассовыми аппаратами, а 94% из них используют их на постоянной основе**,** отмечая лишь эпизодические технические сбои. Кроме того, 89% предприятий заявили, что всегда выдают официальные чеки при осуществлении расчётов.

Эти данные свидетельствуют о значительном прогрессе Узбекистана в цифровизации налогового администрирования и создании инфраструктуры для повышения прозрачности хозяйственной деятельности. Вместе с тем результаты исследования показывают, что отдельные барьеры всё ещё ограничивают полную реализацию потенциала данной системы. В частности, 32% предприятий отметили, что при расчётах наличными денежными средствами официальные чеки выдаются не всегда**.**

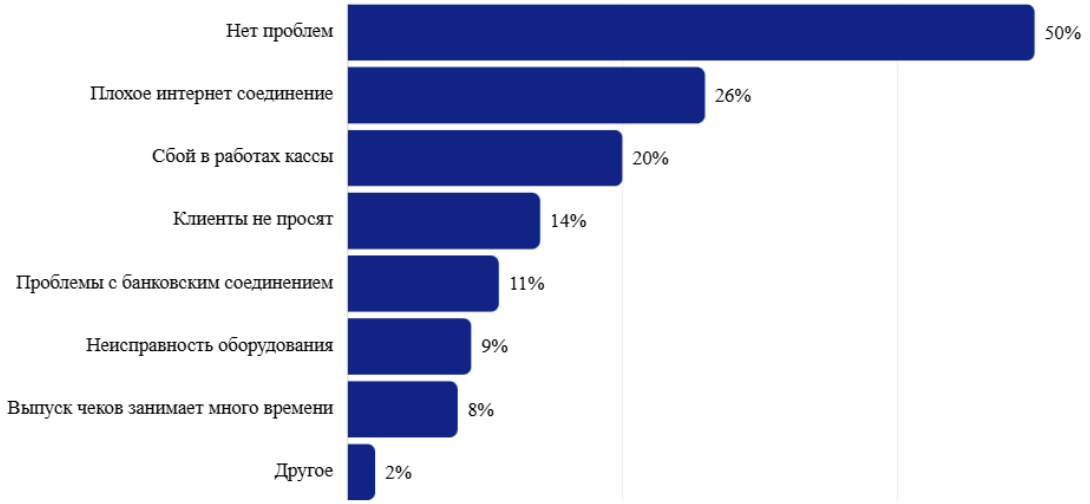


Рисунок 6. Основные причины невыдачи фискальных чеков предпринимателями.

Источник: Центральный банк Республики Узбекистан / CERR.

Анализ причин показывает, что данная проблема обусловлена не только поведенческими факторами, но и рядом технических и организационных ограничений. Полученные результаты позволяют сделать важный вывод для настоящего исследования. Несмотря на успешное внедрение цифровых инструментов контроля, их эффективность зависит не только от уровня технологического развития, но и от поведения участников экономических отношений, качества цифровой инфраструктуры и степени вовлечённости как бизнеса, так и потребителей. Иными словами, цифровизация создаёт необходимую институциональную основу для сокращения масштабов теневой экономики, однако её потенциал может быть полностью реализован только при наличии дополнительных экономических стимулов, способствующих добровольному соблюдению формальных правил.

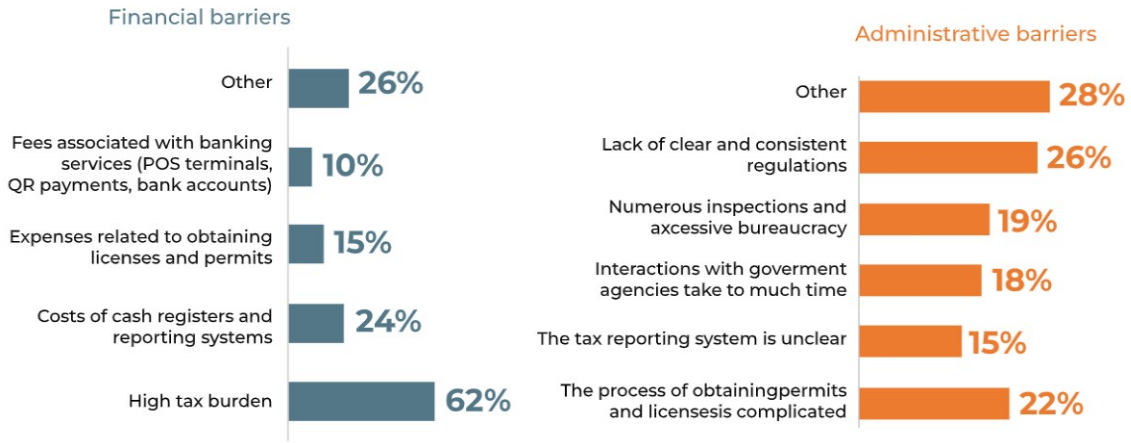
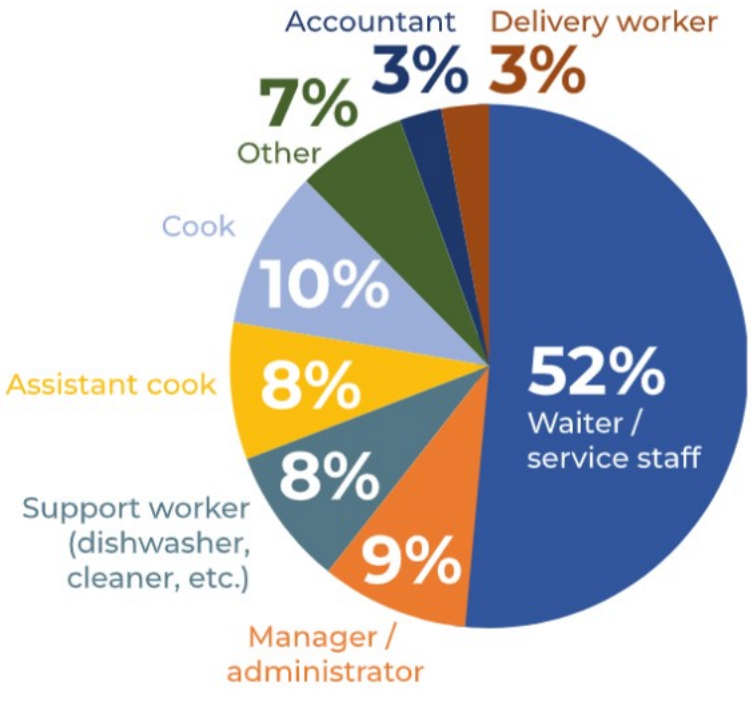


Рисунок 6. Основные барьеры перехода к официальной занятости.

Источник: Центральный банк Республики Узбекистан, CERR, ПРООН.

Как показывают результаты обследований, среди наиболее значимых препятствий респонденты выделяют дополнительные финансовые расходы,



сложность административных процедур, недостаточную информированность о преимуществах официальной занятости и отсутствие прямой экономической выгоды от легализации трудовых отношений. Это позволяет сделать вывод о том, что существующая политика по сокращению теневой экономики в большей степени ориентирована на контроль и надзор, тогда как инструменты позитивной мотивации используются ограниченно.

Рисунок 7. Распределение неформальной занятости по профессиональным группам.

Источник: Центральный банк Республики Узбекистан, CERR, ПРООН.

Представленные данные демонстрируют, что наиболее высокая распространённость неформальной занятости характерна для работников сферы услуг и отдельных категорий самозанятых граждан. Общей особенностью этих видов деятельности является высокая доля временной занятости, гибкие формы трудовых отношений и относительно низкие барьеры входа на рынок, что способствует сохранению неформальных моделей организации труда.

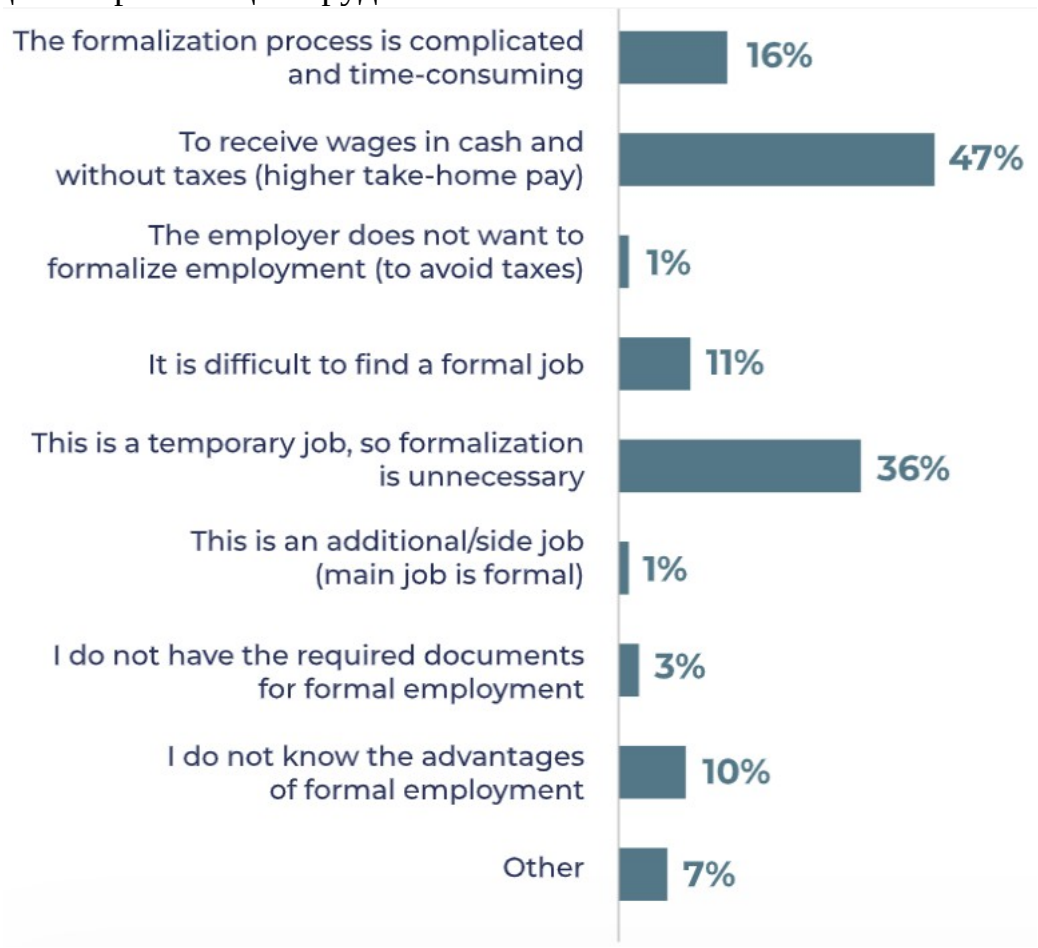


Рисунок 8. Причины предпочтения неформальной занятости по результатам социологического опроса.

Источник: Центральный банк Республики Узбекистан, CERR, ПРООН.

Анализ результатов опроса показывает, что решение о работе в неформальном секторе во многих случаях является результатом рационального выбора. Среди наиболее распространённых причин респонденты называют возможность получения более высокого чистого дохода, отсутствие подходящих официальных вакансий, гибкий график работы и минимизацию обязательных платежей. Таким образом, неформальная занятость выступает не только следствием институциональных ограничений, но и реакцией на существующую систему экономических стимулов. Проведённый анализ официальной статистики и результатов национальных обследований позволяет сделать вывод, что сохранение значительных масштабов неформальной занятости в Узбекистане обусловлено комплексом взаимосвязанных факторов: отраслевой спецификой экономики, особенностями структуры рынка труда, административными барьерами и недостаточной заинтересованностью участников рынка в добровольной легализации трудовых отношений. При этом действующие государственные меры преимущественно ориентированы на усиление контроля и повышение прозрачности экономических операций, тогда как вопросы формирования долгосрочных экономических стимулов остаются недостаточно разработанными.

На основе проведённого теоретического и эмпирического анализа в настоящем исследовании предлагается авторская модель **Aligned Incentive Formalization Framework (AIFF)**, направленная на создание устойчивого механизма добровольной формализации занятости. В отличие от традиционных подходов, основанных преимущественно на усилении административного контроля, предлагаемая модель рассматривает сокращение масштабов теневой экономики как результат согласования экономических интересов всех основных участников рынка труда — государства, работодателей и работников. Концептуальной основой модели является предположение о том, что решение о выборе формальной или неформальной занятости принимается экономическими агентами рационально, путём сопоставления ожидаемых выгод и связанных с ними издержек. Следовательно, устойчивое снижение уровня неформальной занятости возможно лишь в том случае, если официальная экономическая деятельность становится наиболее привлекательной альтернативой для каждой из заинтересованных сторон. В рамках модели AIFF государство выступает не только в качестве контролирующего института, но и в роли координатора системы стимулов, создающего условия для добровольной легализации трудовых отношений. При этом предлагаемая концепция не заменяет действующие меры государственной политики, связанные с цифровизацией и совершенствованием налогового администрирования, а дополняет их механизмами позитивной мотивации, способными усилить эффективность уже реализуемых реформ. Ключевой особенностью модели является одновременное воздействие на три группы участников рынка труда. Для работников формальная занятость должна ассоциироваться с расширением социальных гарантий, доступом к механизмам пенсионного

обеспечения, повышением защищённости трудовых прав и расширением возможностей финансовой интеграции. Для работодателей формализация должна сопровождаться снижением административных издержек, предоставлением налоговых и репутационных преимуществ, а также созданием благоприятных условий для долгосрочного развития бизнеса. Для государства реализация модели обеспечивает расширение налоговой базы, рост поступлений в систему социального страхования и повышение прозрачности экономической деятельности.

Таблица 1.

Основные элементы авторской модели AIFF

Участник системы	**Предлагаемые стимулы**	**Ожидаемый результат**
Работники	Социальные гарантии, пенсионные накопления, защита трудовых прав, доступ к финансовым инструментам	Рост привлекательности официальной занятости
Работодатели	Налоговые преференции, снижение административных барьеров, статус «Добросовестный работодатель», репутационные преимущества	Увеличение числа официально оформленных рабочих мест
Государство	Цифровизация, институциональная поддержка, расширение налоговой базы и социальных поступлений	Снижение уровня теневой экономики и повышение прозрачности рынка труда

В отличие от существующих подходов, ориентированных преимущественно на ограничение возможностей ведения неформальной деятельности, модель **AIFF** исходит из принципа взаимной выгоды и рассматривает легализацию занятости как результат формирования сбалансированной системы стимулов. Предлагаемый подход позволяет перейти от политики преимущественно административного воздействия к политике экономической мотивации, при которой соблюдение формальных правил становится рациональным и долгосрочно выгодным выбором для всех участников рынка труда.

Рисунок 9. Концептуальная структура модели AIFF

Источник: разработано автором.

Рисунок 9 демонстрирует концептуальную структуру авторской модели Aligned Incentive Formalization Framework (AIFF), основанной на согласовании экономических интересов государства, работодателей и работников. В рамках модели государство выступает не только в роли регулятора, но и координатора институциональных преобразований, обеспечивая цифровизацию налогового администрирования, совершенствование нормативно-правовой базы и формирование экономических стимулов для легальной деятельности. Работники получают преимущества в виде социальных гарантий, защиты трудовых прав, пенсионного обеспечения и расширения доступа к финансовым услугам, что повышает привлекательность официальной занятости. В свою очередь, работодатели получают возможность снизить административные издержки, воспользоваться налоговыми преференциями и укрепить свою деловую репутацию благодаря статусу добросовестного участника рынка. Взаимодействие этих элементов формирует механизм добровольной формализации трудовых отношений, который способствует сокращению масштабов теневой экономики, расширению налоговой базы и укреплению финансовой устойчивости системы социального обеспечения. Конечным результатом реализации модели является достижение более высокого уровня прозрачности экономики и обеспечение устойчивого социально-экономического развития Республики Узбекистан.

Заключение

Проблема сокращения масштабов теневой экономики и формализации неформальной занятости остаётся одним из ключевых направлений современной экономической политики Республики Узбекистан. Несмотря на последовательную реализацию институциональных реформ, совершенствование налогового администрирования и активное внедрение цифровых технологий, уровень неформальной экономической активности продолжает оставаться значительным, что ограничивает возможности устойчивого экономического роста, расширения налоговой базы и укрепления системы социальной защиты населения. Проведённое исследование показало, что неформальная занятость представляет собой многофакторное явление, формирующееся под воздействием институциональных, экономических и поведенческих факторов.

Анализ официальной статистики и результатов национальных обследований позволил установить, что наиболее высокий уровень неформальной экономической активности характерен для отраслей с преобладанием малого бизнеса, высокой долей наличных расчётов и гибких форм занятости. Одновременно было выявлено, что, несмотря на значительные достижения в области цифровизации государственного управления и развития системы электронного налогового контроля, существующие меры преимущественно направлены на усиление прозрачности и административного надзора, тогда как вопросы формирования устойчивой экономической мотивации участников рынка труда остаются недостаточно раскрытыми. Научная новизна исследования заключается в развитии подхода к сокращению теневой экономики через призму добровольной формализации занятости. В отличие от традиционных концепций, ориентированных главным образом на усиление контроля и применение санкций, в работе предложена авторская модель Aligned Incentive Formalization Framework (AIFF), основанная на согласовании экономических интересов государства, работодателей и работников.

Предлагаемый подход исходит из того, что устойчивое сокращение масштабов неформальной экономики возможно лишь в том случае, если официальная занятость становится наиболее рациональным и экономически выгодным выбором для всех участников рынка труда.Практическая значимость предложенной модели заключается в возможности её использования при разработке государственных программ по сокращению теневой экономики и совершенствованию политики регулирования рынка труда. Реализация механизмов, сочетающих цифровизацию государственного управления, институциональную поддержку и систему позитивных экономических стимулов, способна повысить эффективность уже проводимых реформ, ускорить процессы добровольной легализации трудовых отношений и создать дополнительные условия для расширения налоговой базы и укрепления системы социального обеспечения.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что долгосрочное сокращение масштабов теневой экономики требует перехода от преимущественно контрольной модели регулирования к модели

согласованных стимулов, объединяющей интересы государства, работодателей и работников. Именно такой подход способен обеспечить не только повышение уровня формальной занятости, но и формирование более устойчивой, инклюзивной и конкурентоспособной экономики Узбекистана в условиях продолжающихся институциональных преобразований.

Источники:

1. Wani, N. U. H. (2026). Central Asia at the Cross-Roads of Informal Trade: Understanding the Drivers of the Shadow Network and Policy Interventions. In *Trade and Development in Central and South Asia: Fresh Insights and Future Horizons* (pp. 411-464). Singapore: Springer Nature Singapore.

2. Achim, M. A., & Mare, C. (2025). Factors influencing the shadow economy: an international analysis. *The Journal of Risk Finance*, *26*(5), 677-693.

3. Bagirzadeh, E., & Niftiyev, I. (2026). Tackling the Shadow Economy in Azerbaijan: Are There Any Results?. In *Shadow Economies in Turkic Republics: Governance, Institutions, Trust, and Policy Responses* (pp. 25-66). Cham: Springer Nature Switzerland.

4. Esaku, S., & Mugoda, S. (2025, February). Unemployment and the informal economy in Uganda: An empirical investigation. In *Forum for Economic and Financial Studies* (Vol. 3, No. 1).

5. Si, C., Hassan, F. A., Antohi, V. M., Ahmad, W., Fortea, C., Cristache, N., ... & Zlati, M. L. (2025). Informal economy and environmental degradation in developing countries: the conditioning role of institutional quality. *Frontiers in Environmental Science*, *13*, 1645194.

6. Joseph, D., Miri, D., & Mswaka, W. (2025). Digital technology affordance and constraints in informal economies: a micro-entrepreneurial study. *Journal of Small Business and Enterprise Development*, *32*(4), 788-816.

7. Syed, A. A. (2025). Unveiling the nexus of shadow economy and economic growth through the lens of Hofstede's cultural dimensions: a case of emerging nations. *Discover Sustainability*, *6*(1), 173.

8. Ningsih, D. N. C., Rokhimakhumullah, D. N. F., Suryani, Y., & Mahendra, I. I. (2025). An effectiveness analysis of tax administration digitalization reducing the shadow economy in Indonesia. *KnE Social Sciences*, *10*(13), 93-117.

9. Aronsson, A. E., & de Soysa, I. (2025). Informal employment, population health, and welfare policies: A global empirical analysis between 2011–2021. *Plos one*, *20*(6), e0325277.

10. Janjua, L. R., Naghi, L. E., Panait, M., & Siminică, M. (2025). From Shadows to Spotlight in Current Era: An Insight into the Informal Economy's Influence on Growth Under Governmental Oversight in Global South Fatf Grey List States. In *Financial Resilience and Environmental Sustainability: Global South Perspectives* (pp. 361-386). Singapore: Springer Nature Singapore.

11. National legal and statistical sources (Uzbekistan)

12. National Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan 2024–2025. Statistical Data on the Non-Observed Economy and Food Service Activities. Tashkent.

13. State Tax Committee of the Republic of Uzbekistan. 2025. Administrative and Tax Statistics on Food Service Enterprises. Tashkent.

14. Republic of Uzbekistan. Tax Code of the Republic of Uzbekistan. Tashkent.

15. Republic of Uzbekistan. Code of Administrative Liability. Tashkent.

16. Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan. Resolution No. 75 (13 February 2003); Resolution No. 394 (20 June 2020); Resolution No. 745 (7 November 2024).

17. Presidential decrees and resolutions: PD-6098 (30 October 2020); PR-104 (27 January 2022); PR-178 (24 March 2022); PD-132 (30 August 2024); PD-50 (19 March 2025).

18. National Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan. (2025). *O‘zbekistonda norasmiy va yashirin iqtisodiyotni baholash natijalari* [Statistical report]. Tashkent: National Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan.

19. National Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan. (2025). *Gross Domestic Product Production of the Republic of Uzbekistan for 2024* [Statistical bulletin]. Tashkent, Uzbekistan: National Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan.

SHARQ MUTAFAKKIRLARI NAZDIDA OILA VA UNING TUZILISHI HAQIDA NAZARIY QARASHLAR

Ergasheva Moxina Narzulla qizi
9-sonli DMTT psixologi

Nikoh O‘zbekiston xalqining an’anaviy oilaviy qadriyatlariga, nikohlanuvchilarning ixtiyoriy roziligiga va teng huquqliligiga asoslanadi.

Davlat oilaning to‘laqonli rivojlanishi uchun ijtimoiy, iqtisodiy, huquqiy va boshqa shart-sharoitlar yaratadi” Shu sababli ham oila, uning tuzilishi, oilaviy munosabatlar asrlar o‘tsa hamki o‘zining dolzarbligini, o‘rganishga bo‘lgan ehtiyojini yo‘qotgani yo‘q. Ushbu izlanish ishlari esa Sharq mutafakkir olimlari tomonidan chuqur tahlil etib hanuz o‘rganilib kelinmoqda. Chunonchi, Rizouddin ibn Faxruddin, Abu Rayhon Beruniy, Faxr-ul Banot Sibg‘atulloh qizi, Abu Nasr Farobiy, Abu Ali ibn Sino, Yusuf Xos Hojib, Amir Temur, Alisher Navoiy, Abdurauf Fitrat, Abay Qo‘nanbayev va boshqalarning asarlaridagi oila va nikoh, oilaviy munosabatlar to‘g‘risidagi qarashlar aks ettirilgan bo‘lib ular hanuz o‘z haqiqatini va ahamiyatini yo‘qotgani yo‘q.

Navoiy ayol kishining oiladagi o‘rniga quyidagicha to‘xtaladi:

“Yaxshi xotin — oilaning davlati va baxti. Uning ozodaligi, uy egasining xotirjam va osoyishtaligi undan, husnli bo‘lsa — ko‘ngil yozig‘i, xushmuomala bo‘lsa — jon ozig‘idir.